

(1)Когда я учился в школе, два предмета не давались мне совершенно – пение и рисование. (2)Пение, что естественно, недоступно было ребёнку, у которого абсолютно не было слуха. (3)Но эта проблема решалась пунктуальным посещением школьного хора, где я пел еле слышно, а за это моё усердие ставили твёрдую четвёрку, и я был этим страшно доволен.

(4)А вот с рисованием всё обстояло намного хуже.

(5)Поэтому в шестом классе, когда уже за вторую четверть мне «светила» тройка, родители меня предупредили, что если тройка в четверти и в самом деле окажется, то на каникулах на экскурсию в столицу с классом я не поеду, и никакие слёзы при этом мне не помогут. (6)Вот почему, когда наш учитель по рисованию, Эдмунд Антонович, почти перед самым окончанием второй четверти объявил, что на следующем уроке у нас будет рисунок на оценку, я понял бесповоротно, что столицы не видать как своих ушей.

(7)Эдмунд Антонович пришёл к нам в класс только в этом году и только на этот год. (8)Вообще-то он вёл изостудию для одарённых детей во Дворце пионеров, а к нам его привели неизвестные мне обстоятельства.

(9)Я не знаю, как он там в своей изостудии с одарёнными управлялся, но с нами, обыкновенными, управиться он не мог, но всё время что-то усердно рисовал и показывал у доски, абсолютно не обращая внимания на творившийся тарарам. (10)Одно только было в нём плохо: оценки он ставил страшно придирчиво, и я у него из-за этого не вылезал из троек, а от предстоящей классной работы зависело для меня буквально всё.

(11)Наконец наступил этот трижды проклятый день! (12)Эдмунд Антонович, сияя, как в праздник, вошёл в класс и объявил, что сегодня состоится-таки классная работа, на которой мы должны будем нарисовать рисунок на тему «Первый снег».

(13)Я несколько раз прилежно начинал рисовать и сразу почти бросал, потому как рисунки мои выглядели так страшно, что мне даже в голову не пришло бы сдавать их, – всё равно была бы верная двойка. (14)Это была катастрофа! (15)Теперь всё было кончено! (16)И тогда я от полной безысходности решился на дикий поступок. (17)Я открыл в тетради для рисования чистый лист и всеми цветными карандашами, которые у меня были, вместо рисунка, написал на нём крупными буквами следующее.

(18)КАРТИНА. (19)ПЕРВЫЙ СНЕГ.

(20)Утро. (21)Ночью был снегопад. (22)Это был первый снег в этом году. (23)Снег шёл долго, и теперь красная черепица на крышах маленьких домиков под снегом почти не видна. (24)Одни только красные трубы торчат, а из труб высоко поднимаются к небу хвосты белого и неподвижного дыма. (25)Снег на деревьях, на крышах и на дорогах. (26)Он искрится под утренним солнцем и слепит глаза. (27)Дети кричат и смеются, катают огромные снежные шары и лепят из них весёлых снеговиков. (28)Один уже даже готов, и у него вместо рук две лыжные палки. (29)А с высокой горы перед домиками спускаются к детям клоуны, и в руках у них замечательные воздушные змеи и цветные шары.

(30)6б класс, Крамер Александр.

(31)Урок рисования был один раз в неделю, и я просто не знаю, как дожил до следующего урока. (32)Помню, что даже любимые свои книжки не мог читать ни минуты, потому что не понимал ни слова, и на уроках тоже присутствовал только физически, а все мои мысли были заняты тем, что я натворил, и тем, что после этого будет. (33)Поэтому, когда на следующем уроке рисования Эдмунд Антонович раздал нам наши альбомы, я чуть не лишился сознания, с ужасным предчувствием открывая свой проклятый «рисунок».

(34)И вдруг... (35)Я не верил своим глазам: на злополучном листе стояла огромная красная пятёрка, которую держал в руках маленький рыжий клоун! (36)А потом пятёрка появилась и в классном журнале!

(По А.Б. Крамеру)